

Е.Н. Басовская

«Биллиард Николая Павловича»

Бывают совпадения, называемые *роковыми*, от слова *рок* — по словарю Даля — «судьба, предопределение, участь, неминуемое, суженое». Совпадения, предопределенные самой судьбой человека. Трагические и неизбежные.

Именно такое, роковое стечение обстоятельств и стало, вероятно, причиной того, что в русской литературе появился удивительный, странный гений — певец страдания и отчаяния. Его звали Михаил Лермонтов.

Вся его взрослая жизнь приходится на десятилетия, называемые обычно *Николаевской эпохой* — по имени царя Николая I. В 1825 году, когда тот вззошел на престол, Лермонтову было одиннадцать. Через шестнадцать лет, в 1841, поэт погиб на дуэли. Николаю предстояло править Россией еще полтора десятилетия: он умер в 1855. Жизнь Лермонтова *совпала* с Николаевским временем. Характер поэта — с атмосферой эпохи.

Царь, чье правление началось с подавления мятежа декабристов, был мало похож на своего предшественника и старшего брата — Александра I. Если тот всю жизнь провел в сомнениях и метаниях, был подвержен чужому влиянию и страдал от неуверенности в себе, то Николай отличался сильным характером, непреклонностью и поистине железной волей. Он принял власть в часы всеобщей растерянности, подавил бунт, провел следствие и не остановился перед тем, чтобы повесить пятерых зачинщиков... пятерых дворян-аристократов в стране, где смертная казнь в исключительно редких случаях применялась к лицам благородного звания. Помнишь, как искал утешения в исторических аналогиях потрясенный случившимся Пушкин:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой...

Николай тоже был намерен «укротить нравы». Но его надежды были связаны в первую очередь не с милосердием и просвещением. Он молился иным богам. Военный не только по воспитанию и званию (все русские цари в XIX веке носили офицерский мундир), но и по натуре, он уповал на порядок и дисциплину. Образцом для него служила армия, и он стремился утвердить в России сильную власть, основанную на беспрекословном подчинении «низших» «высшим».

Главным орудием, с помощью которого император наводил в обществе порядок, был *страх*. Страх, порожденный и самим выступлением 14 декабря, и тем, какая участь ожидала мятежников. Страх, подобный тому, который сковывал мысль и волю российского дворянства при Павле. Страх, связанный с ожиданием репрессий. Писатель и революционер А.И. Герцен, который провел годы в ссылках, а затем, в 1847, навсегда покинул Россию, через много лет вспоминал о начале николаевского царствования:

«Тон общества менялся наглазно; быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства. Никто (кроме женщин) не смел показать участия, произнести теплого слова о родных, о друзьях, которым еще вчера жали руку, но которые за ночь были взяты. Напротив, являлись дикие фанатики рабства, одни из подлости, а другие хуже — бескорыстно».

В годы, когда жил Лермонтов, гроза не раз разражалась именно над литераторами, осмелившимися писать, публиковать, а порой и просто говорить, подразумевать что-либо не вполне верноподданное.

В 1826 году, вскоре после казни декабристов, по личному повелению царя отправлен на военную службу юный студент Московского университета Александр Полежаев — автор юмористической поэмы «Сашка», которую Николай считал неприличной. По замыслу императора, военная служба должна была благотворно подействовать на нравственность молодого человека. Вместо этого она сломала его судьбу: не дождавшись прощения, он бежал, был пойман, переведен в рядовые, пережил многие унижения, стал пить и умер от чахотки, не дожив до сорока лет.

В 1834 году «за распевание оскорбительных для царской семьи песен» арестован Герцен. Обвинение было ложным, но это не помешало властям сослать известного вольнодумца в Вятку. Через несколько лет, едва возвратившись в столицу, Герцен был вновь удален, на сей раз в Новгород — за распространение слухов о жестокости петербургской полиции. Стоит отметить, что слухи он «распространял» в частном письме, которое было распечатано чиновниками (то же самое, как ты уже знаешь, происходило и с письмами Пушкина). Стоит ли удивляться, что богатый и в целом благополучный Герцен превратился со временем из любителя философских бесед в профессионального революционера!

В 1836 году за публикацию в журнале «Телескоп» своего эссе — «Философического письма» — поплатился Петр Яковлевич Чаадаев. Этот был необыкновенный человек, герой войны 1812 года, вышедший в отставку потому, что его понятия о чести не согласовались с поручением доставить государю донесение о восстании Семеновского полка. В течение многих лет он жил тихо и одиноко, не печатал своих сочинений, но имел огромный авторитет как достойный человек и глубокий мыслитель. «Философическое письмо» было посвящено истории России и представляло ее в невыгодном свете. По мнению Чаадаева, страна, оказавшаяся между Западом и Востоком, не нашла своего пути, попала во власть дикости и деспотизма.

Чаадаев писал о судьбе России:

«Сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, — такова печальная история нашей юности... Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство, вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника... Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя...»

Николай I требовал от своих подданных четкости и дисциплины даже в вопросах любви к родине. Сложное отношение Чаадаева к России, его боль за нее были восприняты царем как отсутствие патриотизма. Правда, наказать Чаадаева за «Философическое письмо» было формально невозможно: статья прошла предварительную цензуру. Ответственность понесли цензор, отставленный от должности, и издатель «Телескопа» Н.И. Надеждин — он был сослан в уездный городок Усть-Сысольск. В отношении же Чаадаева поразительным образом сбылось пророчество Грибоедова. Многие современники увидели черты Чаадаева в Чацком. На эту же мысль наводило и очевидное сходство фамилий. Так вот: через десять с лишним лет после литературного персонажа его прототип был объявлен сумасшедшим. Сделали это так: Николай I в обращении к московскому генерал-губернатору отметил, что жители столицы соболезнают Чаадаеву, сошедшему с ума. Слухи, как известно, распространяются быстро. Автор «Философического письма» оказался фактически под домашним арестом, имя его было запрещено упоминать в печати. Остаток жизни он провел затворником, окруженный самыми невероятными домыслами.

Я привела только некоторые примеры того, как возникал и укреплялся страх — прочная, сточки зрения Николая I, основа послушания и порядка. И все-таки для под-

держания стабильности в обществе нужны были и другие средства. Одно из них — *цензура*. Система контроля над печатным словом. Намордник для литературы. Что значит: «имя Чаадаева (а позже и Белинского) не может быть названо в печати»? Цензор вымарает его или вообще не допустит публикации. Конечно, цензор — живой человек и ему свойственно ошибаться. Но тогда и он будет наказан. В течение николаевского царствования цензура делалась все более и более бдительной, а в конце 1840 — начале 1850-х годов дошла до такой степени суровости, что остановила издание учебника арифметики: в некоторых задачах места пропуска цифр были помечены многоточием, и цензор углядел в этом опасный намек. В те годы министр народного просвещения С.С. Уваров писал: «Не должно быть допускаемо в печать никаких, хотя бы и *косвенных*, порицаний действий или распоряжений правительства и установленных властей, к какой бы степени сии послания ни принадлежали».

Имя Сергея Семеновича Уварова вообще чрезвычайно значимо для лермонтовской эпохи. Министр, бывший участник «Арзамаса», человек образованный и умный, как нельзя лучше соответствовал требованиям новой власти. Как и Николай, он был предан идее порядка, причем занимался, подолгу службы и по призванию — наведением порядка в душах людей. Уварову, возглавившему Министерство народного просвещения в 1833 году, принадлежало авторство так называемой «*теории официальной народности*». Суть ее состояла в том, что благополучие России должно обеспечиваться единством всех сословий на основе преданности православию, царскому престолу и отчизне.

Патриотизм понимался при этом крайне узко — как безоглядное восхищение всем, что происходило и происходит в России. Не случайно еще одной жертвой репрессий стал безобидный журнал «Московский телеграф», опубликовавший в 1834 году рецензию на Н.А. Полевого на пьесу официозного¹ драматурга Нестора Кукольника² «Рука всевышнего отечество спасла». Посвященная освобождению русской земли от польских захватчиков

в начале XVII века, драма всецело отвечала «ура-патриотическому» духу, который приветствовался при Николае I. Полевой — критик, отличавшийся строгостью вкуса, — с иронией упоминал в своей рецензии о других, восторженных, откликах на творение Кукольника: о пьесе, по его словам, «довольно писали в петербургских журналах, уверяя, что г-н Кукольник “*первый* представил нам драму истинно народную, русскую, *дюжую, плечистую*”. Преувеличенная и притом такая странная похвала, что недоверчивому читателю всего легче почтеть ее за тонкую насмешку!» Отрицательный отзыв Полевого об официально одобренной драме стал поводом для закрытия журнала «Московский телеграф», который давно был на подозрении у правительства. В те годы пользовалась популярностью анонимная эпиграмма:

Рука всевышнего три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ход дала
И Полевого погубила.

Поистине, способность шутить в самых мрачных обстоятельствах всегда была свойственна замученным жизнью россиянам! Если же говорить серьезно...

С.С. Уваров пробыл на посту министра народного просвещения более пятнадцати лет. Все это время он заботился о насаждении в сознании общества теории «официальной народности». Те же учебные заведения, которые не выполняли этой ответственной миссии, оказывались не в чести у властей. Николай еще до назначения Уварова министром направил самое критическое внимание на «рассадники свободомыслия». Так, в 1830 году

¹ *Официозный* — всегда отстаивающий точку зрения правительства и потому им одобряемый.

² *Кукольник Нестор Васильевич* (1809–1868) — русский писатель, монархист, автор многочисленных драм и трагедий, в том числе патриотического содержания, а также повестей и рассказов.

он посетил Московский благородный университетский пансион (где тогда учился Лермонтов), остался недоволен царившим там вольным духом — и вскоре пансион был упразднен, а вместо него создана обычная гимназия, отличавшаяся от привилегированного учебного заведения, в частности, тем, что в ней были разрешены телесные наказания. К 1835 году Николай, по данным историка Н.Я. Эйдельмана, сократил чуть ли не вдвое по сравнению с началом XIX века расходы на просвещение. В 1840-е годы высокопоставленные чиновники не раз высказывались за закрытие университетов. Правда, на эту крайнюю меру правительство не пошло и лишь существенно ограничило прием студентов. Как тут вновь не вспомнить Грибоедова, его пророческую комедию! Для современников драматурга слова полковника Скалозуба:

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий, —

были всего лишь поводом посмеяться. Ровесников же Лермонтова они вряд ли могли рассмешить. Предсказание недалекого вояки становилось слишком похожим на правду.

Впрочем, Николай делал ставку не на одних только военных. Он действительно предпочитал людей в форменной одежде. Но мундир мог быть и гражданским.

Обращусь еще раз к сведениям, собранным Н.Я. Эйдельманом. По его словам, российский бюрократический аппарат (чиновничество) насчитывал в середине XVIII века около 16 тысяч человек, а через сто лет составил приблизительно 100 тысяч. Колоссальная бюрократическая машина порождала колоссальные злоупотребления. Невиданных масштабов достигло взяточничество. А главное — жизнь человека оказывалась сопряженной со все новыми и новыми сложностями. «Россия — страна ненужных формальностей» — такое определение дал ей путешественник маркиз Астольф де Кюстин. Он был потомком аристократов; его семья пострадала в годы Великой французской революции.

Не удивительно, что маркиз де Кюстин принадлежал к числу убежденных монархистов. Отправляясь в Россию, он надеялся увидеть там, в самодержавном государстве, образец мудрого общественного устройства. Путешественнику хватило двух с небольшим месяцев, чтобы разувериться в достоинствах единоличной власти и уехать домой чуть ли не республиканцем. Его книга — «Россия в 1839 году» — возмутила Николая и была запрещена в России... как выяснилось, до конца XX столетия. Отрывки из нее печатались и раньше, но полный текст пугал каждого из правителей, в том числе и пятнадцать лет назад. Сейчас же, когда у нас есть возможность прочесть ее без купюр, думаю, у многих возникает горькое чувство: слишком уж многое осталось неизменным... Но не будем отвлекаться на неизбежные аналогии. Просто попытаемся с помощью фрагмента из книги Астольфа де Кюстина лучше представить себе Россию, в которой жил Лермонтов:

«О русских, знатных и незнатных, можно сказать, что они опьянены рабством.

...Это состоящее из автоматов население отчасти похоже на шахматы, ибо один человек приводит в движение все фигуры, сражаясь с невидимым противником — человечеством. Здесь движутся, дышат лишь с позволения или по приказу императора, оттого повсюду угрюмость и принужденность; молчание главенствует в жизни и парализует ее. Офицеры, кучера, казаки, крепостные, придворные — все не более чем разного ранга слуги одного и того же господина, слепо повинующиеся неведомой им мысли. Это шедевр военной механики; но вид сего прекрасного порядка не вызывает у меня чувства удовлетворения, ибо такая регулярность достигается лишь полным отсутствием независимости.

...Глядя на этот народ, лишенный досуга и воли, замечаешь только бездушные тела и трепещешь при мысли, что на такое великое множество рук и ног имеется лишь одна голова».

Я подчеркнула в тексте Кюстина сравнение населения России с шахматами, потому что оно напомнило мне другое, также связанное с русским обществом 1830-х годов и тоже взятое из области игр. По свидетельству первого биографа Лермонтова П.А. Висковатова, однокашник поэта А.И. Бярятинский «нелюбовь к Лермонтову со стороны самого Николая Павловича... объяснял таким оригинальным сравнением, якобы в то время

смотрели на страну, как на бильярд, и не любили, чтобы что ни было превышало однообразную гладь бильярдной поверхности, а Лермонтов, хотя сам по себе и был личностью в высшей степени неприятною, но все-таки *выдавался* выше уровня».

Не бывает, конечно, однозначно «плохих» эпох. При любой власти люди живут, любят, творят, радуются. Более того — николаевское время немало дало культуре. В эти годы продолжалось строительство Исаакиевского собора в Петербурге, возводились Большой кремлевский дворец и Оружейная палата в Москве. Писали картины Орест Кипренский, Карл Брюллов, Василий Тропинин, Александр Иванов. Росли тиражи журналов и газет. Именно тогда, несмотря на цензурные строгости, а порой и вопреки им, появились в печати долгожданное «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор», «Мертвые души» и другие сочинения Гоголя, полный текст «Евгения Онегина», «Пиковая дама», «Капитанская дочка» и еще немало книг Пушкина. Эпоха не была безотрадной. Но она давала слишком много поводов для душевных страданий и мучительного стыда за свое отечество. Эти чувства мучили далеко не всякого. Для Лермонтова же стали определяющими, пронизали собою все его существо. Так уж совпало, что он родился «вовремя». Поэт, созданный для безвременья.